

РУСЬ НА БОГАТЫРСКИХ ЗАСТАВАХ

В. В. Алин

Героическая борьба русского народа с примитивными еще по уровню своего тогдашнего развития кочевниками остановила их опустошительное нашествие в конце I и начале II тысячелетия. Вот что писал об особой исторической миссии России как сторожевой заставы на юго-восточных рубежах Европы революционер-демократ Н. Г. Чернышевский: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеною ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую половину было разбили враги»¹. Всемирно-историческое значение борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями общепризнано. Русь заслонила грудью путь полчищам хана Батыея к «морю Франкоз», обескровила их в бесчисленных битвах. Однако монголо-татарское нашествие XIII столетия, оставившее глубокие следы в памяти народов, было только одним из сравнительно более поздних этапов многовекового наступления кочевников. Конные орды гуннов, аваров, хазар, печенегов, торков, половцев, сменяя друг друга, переходили Волгу и двигались на запад по причерноморским степям — извечной дороге азиатских кочевников. А на Руси пролегал в то время один из рубежей оседлой, более развитой цивилизации, и здесь разгорались схватки с пришельцами из степей Азии. Богатырские заставы Руси или останавливали очередные волны кочевников, или настолько ослабляли их в кровопролитных битвах, что завоеватели, докатившись до Дуная, уже не имели прежней силы. История земли Русской заполнена непрерывной, изнурительной, тяжелой борьбой с кочевниками, борьбой, обеспечивавшей в конечном счете другим народам Европы условия для успешного исторического развития. Поэтому без преувеличения можно сказать, что западноевропейская цивилизация своим существованием в немалой степени обязана той великой исторической миссии, которую выполнила Русь, отбивая натиск кочевников.

Причины, вызывавшие непрерывное продвижение кочевых племен на новые территории, коренились в особенностях их способа производства. Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать... полные опасностей великие переселения...»². Такова общенсторическая закономерность. Что касается конкретно данных кочевых племен, то, кроме расширения территории кочевий, целью их завоевательных походов было и порабощение и ограбление оседлых народов. На так называемых «высшей ступени варварства» «богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»³. Грабительские набеги кочевников на оседлые народы являлись в то время нормой взаимоотношений с соседями. В результате на степной границе Руси случались периоды временного затишья, но никогда не было прочного, устойчивого мира.

История борьбы Руси с кочевниками южных степей — это повествование о событиях, полных трагизма и героики, о несгибаемой воле народа, в сложнейших исторических условиях, в обстановке постоянной военной тревоги создававшего свое могучее государство и самобытную культуру, глубоко осознавшего единство родной земли и готового ради нее на любые подвиги и жертвы. Жертвы, понесенные Русью за многие столетия героической борьбы с врагами, поистине огромны. Русские витязи, насмерть рубившиеся с лихими степными наездниками на рубежах своей земли, заслуживают вечной благодарности потомков. Недаром народ прославил их в своих былинах! Русь выстояла в этой борьбе, окрепла и вышла на широкую дорогу мировой истории. А некогда грозные завоеватели либо были уничтожены, либо сами осели на землю и дали начало другим народам, история которых пошла с тех пор совсем иным путем. Н. Г. Чернышевский, размышляя об исторических судьбах народов, сделавших на ранней стадии своего развития завоевательные походы важным элементом общественной жизни, писал: «Жалко или нет бытие подобных народов? Беша и быша, яко же не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили и только... Быть всемогущими в политическом и военном отношении и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной?»⁴.

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. XIV. М. 1949, стр. 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 568.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 164.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. XIV, стр. 48.

1. Первые удары

Повествование о страницах воинской славы народов нашей Родины мы начинаем с описания событий далекого прошлого, тех бесчисленных кровопролитных битв с кочевниками причерноморских степей, которые вели сначала разрозненные славянские племена, а затем Древнерусское государство, возглавившее общенародные усилия по обороне южных рубежей страны и объединившее военные силы русских земель. Были в войнах со степняками и горькие поражения и блистательные победы, тяжелые утраты и героические подвиги. Об этом через тьму веков донесли весть до наших дней русские летописи, народный эпос, сочинения восточных и европейских авторов — современников событий. Немного источников сохранилось от того далекого времени. События и факты историкам приходится восстанавливать буквально по крупицам: по археологическим данным, по отрывочным упоминаниям в летописях, иногда по неясным намекам летописцев. Но даже они воссоздают грандиозную картину борьбы Руси с кочевниками. В начале первого тысячелетия нашей эры в степях Северного Причерноморья, на территории современной Украины, жило смешанное полукочевое население, известное античным авторам под именем сарматов. Севернее их занимали лесостепную полосу оседлые земледельческие племена — предки славян, селившиеся обычно у покрытых лесом берегов рек, болот, озер, представлявших собой естественный заградительный рубеж для противника. В III в. н. э. в Северном Причерноморье сложился большой племенной союз, объединивший полукочевые племена степей и оседлые народы лесостепи. Во главе союза встали завоеватели-готы, которые пришли сюда во время движения варварских восточногерманских и других племен к границам пришедшей в упадок Римской империи. Уже тогда славянам пришлось выдержать яростную борьбу с готскими завоевателями⁵.

Положение еще более ухудшилось с началом основного этапа «великого переселения народов», когда с востока, из азиатских степей, на Европу двинулись многочисленные воинственные орды кочевников. Первой их волной, с которой столкнулись восточнославянские племена, были гунны. По сообщениям античных авторов, гунны появились на границах Юго-Восточной Европы, в прикаспийских степях, еще во II в. н. э., но это были сравнительно небольшие племенные группы. Мощное движение на запад кочевников, известных под общим именем «гуннов», началось во второй половине IV века. В состав гуннского союза наряду с разноязычными племенами хунну, пришельцами из Джунгарии, вошли многочисленные угорские племена Приуралья и Поволжья, вовлеченные в общее движение кочевников на запад. В 70-х годах IV столетия огромные конные массы гуннов перешли Волгу и обрушились на Северное Причерноморье. Это было опустошительное нашествие, сопровождавшееся разорением обширных областей и истреблением целых народов. По свидетельству современника этих событий, греческого историка Аммиана Марцеллина, гунны — «подвижный и неукротимый народ, пылающий неукротимой страстью к похищению чужой собственности», двигавшийся вперед «среди грабежей и резни соседних народов». По его словам, гунны отличались коренастым телосложением, «чудовищным и страшным видом», питались кореньями и сырым мясом, одевались в шкуры или холщовые рубахи. Гунны были скотоводами и отчасти охотниками. Ко времени нашествия в них происходит разложение родового строя. Здесь «никто не занимается хлебопашеством и не касается сохи», — отмечал Марцеллин. — Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь.., гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую работу они прилагают к уходу за лошадьми». Каждый гунн был прекрасным всадником, быстрым и ловким воином. Их мощные дальнобойные луки были по тем временам грозным оружием. Издалека гуннские всадники осыпали противника стрелами, расстраивая воинский строй и нанося ему большой урон, а затем мечами и копьями довершали дело. В войне гунны были очень изобретательны: они устраивали засады, неожиданные нападения, притворное бегство и быстрые, сокрушительные контратаки, прибегали к разнообразным военным хитростям.

Неожиданность гуннского нашествия еще больше усиливала страх современников перед неведомым врагом. «Невиданный дотоле род людей, — писал Марцеллин, — поднявшийся, как снег, из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что попадает навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». Гунны принесли с собой некоторые новые приемы боя, слабо знакомые населению причерноморских степей. «Иногда они вступают в битвы клинообразным строем со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь»⁶.

⁵ Подробнее см. «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. I. М. 1966, стр. 321 сл.

⁶ Аммиан Марцеллин. История. См. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1949, № 3, стр. 302, 303, 306.

Первой жертвой гуннского нашествия стали аланы, занимавшие прикаспийские степи до реки Дона. Гунны, вторгшиеся в земли алан, по свидетельству Марцеллина, «многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе». Продвигаясь дальше на запад, гунны, разоривши земли по Нижней Кубани и на Таманском полуострове, обрушились на богатые приморские города Боспорского царства. В 375 г. орды гуннов напали на владения готского племенного союза в Северном Причерноморье и сокрушили державу Эрманариха, который не смог противопоставить завоевателям сколько-нибудь значительных сил: при первых же ударах гуннов из-под его власти печали отпадать племена, составлявшие готский союз. Видя безнадежность сопротивления, Эрманарих покончил жизнь самоубийством. По словам современника гуннского нашествия, «побежденные были истреблены гуннами и большинство их погибло: одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избииении; другие, собравшись вместе, бежали...» Часть готов отступила под натиском гуннов на запад, в пределы Восточной Римской империи, а остальные покорились завоевателям и были включены в состав гуннской орды.

В причерноморских степях завоеватели дотла уничтожили древнюю земледельческую культуру, стерли с лица земли те островки оседлости и земледелия, которые существовали в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и на Нижнем Днепре. Сильно пострадали от гуннского нашествия славянская земледельческая культура и оседлые поселения лесостепной полосы, особенно в южной ее части. Факт запустения большого числа земледельческих поселений во время гуннского завоевания подтверждается археологическими данными: в конце IV в. жизнь во многих селениях прекратилась. Раскопки дают возможность в какой-то мере нарисовать картину гибели земледельческих поселений во время этой военной катастрофы: обнаружены клады, поспешно зарытые в землю жителями при приближении врага; следы массовых пожаров; керамические печи, нагруженные посудой (внезапное нападение помешало готчарам закончить работу). Разрозненные восточнославянские племена не смогли тогда задержать нашествия гуннов, и те прошли по причерноморским степям на запад. В первой половине V в. центр гуннского союза находился в Паннонии (римская провинция, занимавшая западную часть территории современной Венгрии, северную часть современной Югославии и восточную часть современной Австрии). Здесь располагались основные силы завоевателей и ставка их вождя Аттилы. Северное Причерноморье стало резервом и тылом державы Аттилы, но тылом несокрушимым и непрочным. Завоеванные народы неоднократно восставали, ослабляя этим натиск гуннов на запад, а порой и вообще срывая их завоевательные походы.

На смену гуннскому союзу пришли другие племенные объединения, но ни одно из них не могло сравниться с державой Аттилы. Эти сравнительно слабо изученные объединения, ранее входившие в состав гуннского союза, быстро возникали и так же быстро распадались, значительно усиливаясь во время удачных походов и исчезая бесследно в случае военных неудач. Такие временные, непрочные объединения не оставляли заметных следов в истории Северного Причерноморья. Как правило, они не проводили самостоятельной внешней политики, являясь послушным орудием в руках византийской дипломатии. Об этом очень образно писал византийский историк второй половины VI в. Агафий, характеризуя борьбу, вплоть до самоуничтожения, между двумя послегуннскими племенными объединениями — утургурами и кутургурами, которые «в течение долгого времени были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранились их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их *членами*»⁷. По отношению к оседлым земледельческим народам Северного Причерноморья и лесостепной полосы кочевники послегуннского времени проводили ту же политику, что и их предшественники: они жили за счет ограбления других народов, опустошительных набегов и «даров», вымогаемых у Византии за участие в войнах против ее противников. Но соотношение сил уже изменилось. Славяне и другие народы Восточной Европы успешно отбивали набеги кочевников, о чем свидетельствует наличие в то время земледельческих поселений в непосредственной близости от степей. Шел процесс постепенной ассимиляции кочевников земледельческой средой, их оседания на землю. Дальнейшее продвижение кочевых племен на запад было остановлено, страны Центральной и Южной Европы избавились на время от их опустошительных походов.

2. «Погибоша, аки обры»

В середине VI в. в причерноморские степи вторглись из степей Азии тюркские кочевые племена аваров. Аварская орда была сравнительно немногочисленной: по свидетельству византийского историка Менандра, она насчитывала всего 20 тыс. воинов (общую численность аваров вместе с женщинами и детьми советский историк М. И. Артамонов определяет в 100 тыс. человек). Используя противоречия между местными кочевыми племенами, аварские вожди добились господствующего положения в

⁷ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л. 1953, стр. 163—164.

степях Северного Причерноморья и создали большой союз племен, известный под названием Аварского каганата. Особенно упорное сопротивление оказали аварам славянские племена.

В VI в. в жизни восточнославянских племен произошли значительные изменения. Соседство многочисленных и воинственных кочевников, готовых в любую минуту обрушиться на славянские земледельческие поселения, и особенно возникновение Аварского каганата, непрерывно угрожавшего владениям славян, — все это создавало постоянную напряженность, требовало объединения военных усилий, вело к организации совместной сторожевой службы на всей степной границе. Это было не под силу отдельным племенам, и в условиях возросшей опасности со стороны кочевников, а также в силу внутренних причин складывались временные и непрочные, но все же сплачивавшие славян оборонительные союзы племен, каждый из которых занимал обширную территорию, равную площади примерно четырех — шести современных областей. Так вместо массы отдельных, разрозненных славянских племен, осевших вдоль степной границы, возникло здесь и далее на запад полтора десятка племенных союзов, представлявших серьезную военную силу. Летописи до наших дней сохранили названия нескольких таких племенных союзов или крупных племен: поляне, северяне, волиняне, дулебы, хорваты и другие. Сложившиеся в период разложения родового строя союзы славянских племен подготавливали образование раннефеодального государства в составе которого славяне в дальнейшем успешно отбывали наступление кочевников. Однако этот процесс единения резко нарушался, когда славянские племена вели войны и между собой. В то время это было зурядным явлением. Аварская орда, объединявшая вокруг себя многие кочевые племена степей, обладала значительными военными силами. Немаловажную роль сыграло и совершенное по тем временам вооружение кочевников-авар, обеспечивавшее им определенные преимущества в битвах с земледельческими племенами лесостепи. Археологические раскопки аварских могильников показывают, что пришельцы из азиатских степей были вооружены большими луками, более дальнобойными, чем обычные луки кочевников, и слегка изогнутыми саблями — в то время новинкой военной техники. Использование стремляй делало аварских всадников устойчивыми в седле во время боя. В конце 50-х — начале 60-х годов VI в. авары опустошали земли восточнославянских племен — антов, занимавших в то время лесостепную зону от Северского Донца до Карпат. (Антами византийские писатели VI—VII вв. обобщенно называли восточнославянские племена.) Как сообщает византийский историк VI в. Менаандр Протиктор, неожиданное нападение аварской орды и ее кочевых союзников поставило антов в тяжелое положение. «Владетели антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю». Попытки антских вождей установить мирные отношения с аварами не удалось: антское посольство, направленное к аварам, было перебито. «С тех пор, — пишет Менаандр, — плуце прежнего стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и поработать жителей». Некоторые славянские племена подпали под власть аварских каганов, однако большинство славян продолжило борьбу, не покоряясь завоевателям. Даже во второй половине VI в., в период наибольшего могущества Аварского каганата, образованного в Паннонии, славянские вожди порой вели себя независимо по отношению к аварам. Менаандр сообщает, например, что в 578 г. «важнейшие князья склавинского народа» категорически отвергли требование аварского кагана о покорности и заявили: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу?»⁸.

Те славянские племена, которые были вовлечены аварами в походы против Византии, скорее являлись их союзниками, нежели подданными (одно из толкований древнетюркского слова «ант» — союзник). Не случайно при заключении мира с аварами византийские дипломаты требовали в качестве заложников детей славянских вождей, не без основания видя в этом залог устойчивого мира, ибо без участия славян успешные походы аварского кагана были невозможны. Только отдельные славянские племена, занимавшие земли в западной части Северного Причерноморья, были покорены завоевателями и жестоко угнетались ими. Русский летописец, называющий аваров обрами, так сообщал о насилиях, творившихся в Дулебской земле: «Обры примучили дулебов» и «насилие творили женам дулебским, если случится ехать обрину, то не дает запретч ни коня, ни вола, но велит запретч три или четыре или пять жен в телегу и везти обрина, и так мучили дулебов».

Аварский каганат был паразитическим государственным объединением, жившим за счет окружающих его оседлых народов: собственная экономическая база аваров — экстенсивное кочевое скотоводство — была крайне слабой. Поэтому ежегодно после летних грабительских походов на Византию и другие пограничные с каганатом страны конные отряды аваров отправлялись «кормиться» в поселения подвластных им народов и зимовали там. Постоян аварских отрядов сопровождалась грабежами, насилиями, расхищением накопленного трудом местного населения добра. Франкский летописец Фредегар описывал, как авары ежегодно «отправлялись на зимовку к славянам и брали к себе на ложе их жен и дочерей. Помимо других притеснений, славяне платили

⁸ «Византийские историки, переведенные с греческого С. Дестунисом». СПб. 1860, стр. 6, 50, 324, 325, 433—434.

аварам дань». Ответом на грабежи и насилия захватчиков была непрекращавшаяся борьба славянских племен с угнетателями. Наиболее крупным вооруженным выступлением против завоевателей явилось восстание западных славян во главе с Само. В середине VII в. аварские орды были вытеснены из Северного Причерноморья. Упорное сопротивление славян и других народов Восточной Европы подтачивало изнутри державу аварских каганов и послужило одной из причин ее гибели. В 90-х годах VIII в. авары были окончательно разгромлены. Конец завоевателей оказался бесславным. Воспоминанием о некогда могучей державе аварских каганов остались поучительные слова русского летописца: «Были обры телом великие, а умом гордые (заносчивые)..., и умерли все, и не осталось ни одного обрина, и есть притча на Руси до сего дня: «Погибли, как обры»⁹. Дольше всего остатки материальной культуры аварской орды сохранялись на территории нынешней Венгрии. Впоследствии авары полностью растворились в местном населении.

3. Дороги ведут в степь

VIII—IX столетия — это время больших успехов славянских племен, время продвижения славянского земледельческого населения на юг и юго-восток, на плодородные черноземные земли. Славянский земледелец, селившийся на просторах причерноморских степей, был носителем экономического прогресса: с ним в области, занятые ранее кочевым скотоводством, приходил передовой по тому времени способ хозяйствования — пашенное земледелие. Остатки тогдашних славянских поселений найдены археологами по рекам Псле, Ворскле, Верхнему Дону и Донцу. В IX—X вв. славянские поселения раскинулись на землях до Нижнего Дона, возле Азовского моря и Тамани. Русское население появилось в Крыму. Интенсивное сельскохозяйственное освоение плодородных черноземных земель степной полосы стоило славянам немалых усилий и жертв. Нелегко было оттеснить кочевые орды и обеспечить безопасность земледельческого населения от их набегов. Тревожной и полной опасностей была жизнь славянских землепашцев на степных просторах. Их поселения строились в труднодоступных местах, окружались валами, глубокими рвами и крепкими деревянными стенами. Со сторожевых башен, вершин холмов и курганов велось наблюдение за появлением отрядов степняков. В минуты опасности поднимались дымы сигнальных костров, и землепашцы, бросая работу, сбегались в свои укрепленные поселения. Из соседних поселений приходили на помощь конные отряды удалцов: чтобы совместно отразить очередную набег кочевников. Каждый мужчина был воином, умелым и ловким, владевшим луком и мечом так же искусно, как плугом и топором. Чтобы побеждать кочевников, нужно было не хуже их мчаться на коне, на полном скаку поражать врагов стрелами, смело рубиться в молниеносных кавалерийских схватках. Славянам удавалось уберечь свои поселения и пашни от набегов степняков. Свидетельством тому — увеличение от десятилетия к десятилетию земледельческого населения в степях Северо-Восточной Европы. Как показывают археологические раскопки, земледельческие поселения стояли, например, вдоль Псла, Ворсклы и других рек через каждые 5—10 км, насчитывали сотни жилищ, до тысячи и более душ населения. Вокруг первоначального ядра, небольшого укрепленного поселка, возникали новые поселения, которые, в свою очередь, окружались тоже валами и рвами.

Причиной успешного освоения степей славянами была не только относительная слабость послегуннских племенных объединений кочевников. Славянские племена окрепли и обладали уже значительной военной силой. В отличие от передвижений кочевых народов славянское заселение степей не было перемещением всей массы населения в новые районы: основной костяк славян оставался на прежних местах, обеспечивая постоянный и устойчивый резерв переселенческого движения. Этим в немалой степени объясняется стабильность самого движения: русские земледельческие поселения существовали на Дону, Донце и Тамани длительное время, несмотря на появление поблизости довольно сильных кочевых племен — болгар и венгров. Значение освоения славянами степной полосы велико. Далеко на юго-восток продвинулся рубеж земледельческой культуры, затруднив путь кочевым ордам. Постепенно сокращалась область распространения кочевого скотоводческого хозяйства, и тем самым подтачивалась экономическая основа ранее господствовавших здесь объединений кочевников. Проникновение в степь славянского земледельческого населения способствовало процессу «славянизации» степняков и росту в их среде классовой дифференциации. Славянские племена находились на более высокой ступени социально-экономического развития и уже переходили к феодализму. Преобладание славян в Причерноморье становилось все заметнее.

Славяне, в частности, оттеснили от жизненно важных центров Руси владения Хазарского каганата, образовавшегося на рубеже VII века. Хазары-кочевники распространили свою власть на Крым, Приазовье и часть болгарских племен в Среднем Поволжье. К X в. владения Хазарского каганата ограничивались сравнительно небольшой территорией в низовьях Волги и степях Северного Кавказа. Правда, конные отряды кочевников-хазар доходили до славянских земель и периодически собирали дань с отдельных племен. Об одном из хазарских «наездов» на пограничные со степью славян-

⁹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. II. СПб. 1908, стб. 9.

ские земли сохранился рассказ в южнорусской летописи. Конный отряд хазар подошел к Днепру и потребовал у полян, населявших эти места: «Платите нам дань!» Однако поляне вместо дани вручили хазарам обоюдоострые мечи. Хазары показали русские мечи «князю своему и старейшинам своим». «И решили старцы хазарские: не добрая дань, княже, мы взяли (ее) оружием, острым с одной стороны, называемым саблями, а у них оружие обоюдоострое, называемое мечами, они будут брать и на нас дань, и на других странах». «Се же сбысться все», — пророчески закончил летописец свое повествование о хазарском набеге. Действительно, теснимое славянами «примитивное государство кочевников-хазар, долгое время существовавшее лишь благодаря тому, что превратилось в огромную таможенную заставу на путях по Северскому Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге»¹⁰, вскоре было разгромлено. Решающую роль в этом сыграло образование в IX в. Древнерусского государства с центром в Киеве, начавшее наступление на Хазарский каганат. Славянские племена освобождались киевскими князьями от уплаты дани хазарам. По сообщению летописца, в 884 г. князь Олег ходил походом на северян и возложил на них «дань легкую», приказав больше не платить дань хазарам. В следующем году Олег послал послов к другому славянскому племени — радимичам: «Кому дань даете?» Радимичи ответили: «Хазарам». Тогда киевский князь и им приказал: «Не давайте хазарам, но мне давайте!»¹¹ Славянские племена одно за другим освобождались от хазарского данничества.

Распад Хазарского каганата, наметившийся в силу его внутренней слабости, ускорил киевский князь Святослав. В 964 г. он выступил в поход и, освободив земли вятичей, которые еще платили дань хазарам, в следующем, 965 г., вторгся во владения хазарских каганов. Летописец сообщил под этим годом: «Пошел Святослав на хазар; услышав о том, хазары вышли против него с князем своим каганом, и сошлись (оба войска), и была битва между ними. Одолея Святослав хазар и город их Белую Вежу взял»¹². Владения хазарского кагана были опустошены. После страшного удара, нанесенного Святославом, Хазарский каганат уже не смог оправиться¹³.

4. Печенежская волна

Еще до победоносных походов князя Святослава на хазар в Северное Причерноморье хлынула новая волна азиатских кочевников. То были тюркские племена печенегов, с которыми молодому Древнерусскому государству предстояла серьезная борьба. Известный дореволюционный историк П. В. Голубовский писал о состоянии Северного Причерноморья накануне вторжения сюда печенежских орд: «Мы видим край, богатый всякого рода растительностью, обильный зверями и птицами, край, плодородная почва которого способствовала развитию земледелия. По рекам, орошающим эту богатую естественными произведениями страну, живет оседлое население, сначала раскинутое на всем пространстве края, потом группирующееся по долинам рек, защищенным лесами. Тут оно осядет до IX в. и... развивает свою культуру. Историк не имеет права вдаваться в гадания о том, что было бы, но здесь можно сказать, что движение кочевых масс остановило культурное развитие южнорусских племен, вытеснив их из приморских стран и тем самым видоизменило много судьбу и всей Руси...»¹⁴.

Печенеги еще в конце VIII — начале IX в. захватили степи между Волгой и Аральским морем и создали там племенное объединение, в состав которого, кроме них самих, входили местные сарматские и финно-угорские племена. Под давлением других азиатских кочевников, теснивших их с востока (огузы, кипчаки), печенеги в конце IX в. перешли Волгу и, обойдя с севера основные владения Хазарского каганата, вторглись в Северное Причерноморье. Печенежская орда захватила широкую полосу степей, отделявших владения хазарских каганов от славянских земель. Хазары, с трудом защищая от набегов печенегов свои владения в Приазовье и на Северном Кавказе, дали им возможность свободно продвигаться на запад. Местные кочевые племена частично были вытеснены печенежским наступлением дальше на запад (например, венгры), частично влились в состав печенежской орды. К началу X в. печенеги завладели всей степной частью Северного Причерноморья, от Волги до Прута. На тысячекилометровой степной границе Руси обосновался опасный враг.

Впервые новые пришельцы из азиатских степей попали в поле зрения русского летописца в 915 году. «Пришли печенеги (впервые на Русскую землю) и, заключив мир с Игорем (киевским князем), ушли к Дунаю». Спустя пять лет, в 920 г., киев-

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М. 1952, стр. 88.

¹¹ ПСРЛ. Т. II, стб. 17.

¹² Там же, стб. 53.

¹³ Остатки хазар под именем саксинов просуществовали в низовьях Волги и в прикаспийских степях между Волгой и Уралом до конца 20-х годов XIII столетия; саксины упоминаются русскими летописцами в 1229 г. в связи с наступлением на этот район монголо-татар.

¹⁴ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев. 1884, стр. 32.

ский князь «воевал с печенегами»¹⁵. Это было, по-видимому, кратковременное военное столкновение, после которого печенежская орда отошла от русских границ. Упоминания о печенегах исчезли из русской летописи почти на четверть века, и только в 944 г. в связи с подготовкой большого похода князя Игоря на Византию летописец снова писал о печенегах, но уже как о временных союзниках Руси в этом грандиозном военном предприятии. Собирая войско для далекого заморского похода, князь Игорь не только включил в него военные силы различных славянских племен (полян, словен, кривичей, тиверцев) и варягов, но и постарался привлечь в качестве союзников печенежскую конницу. По сообщению летописца, он «нанял» печенегов и вместе с ними «пойде на греки в лодях и на конех». Корсунцы (жители приморского города Херсонеса в Крыму) сообщили византийскому императору Роману: «Идет Русь, покрыли море кораблями!» Пришла весть и из Болгарии: «Идет Русь, и печенегов наняла к себе!» Устрашенный император решил не принимать боя, исход которого, учитывая собранные киевским князем большие военные силы, был сомнительным. Его «лучшие бояре», по сообщению летописца, предложили князю Игорю: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, и еще добавим к той дани». Богатые дары («паволоки и золота много») были посланы византийским императором и к союзникам киевского князя — печенегам. Князь Игорь согласился на почетные условия мира и, получив условленную дань «на всех воннов», вернулся с войском в Киев¹⁶.

Совместный поход русских и печенежских войск привлек к печенегам внимание византийской дипломатии, которая не без основания увидела в них возможное орудие для борьбы с окрепшим Древнерусским государством, не только успешно противостоявшим попыткам византийских императоров утвердить свое господство над Северным Причерноморьем, но и угрожавшим их дунайским владениям. Недаром в сочинении «Об управлении государством» византийский император Константин Багрянородный уделял так много места русско-печенежским отношениям, а также способом использования печенегов для постоянного давления на Русь. «Я полагаю, царю ромейскому (то есть византийскому императору.— В. А.) всегда полезно жить в мире с печенежским народом, заключать с ними дружественные договоры и союз, ежегодно отправлять к ним отсюда посланца с приличными и полезными дарам и получать оттуда заложников, или обсидов, и посланца, которые в сем богохранимом граде (Константинополе) входили бы в сношения с заведующим этими делами и пользовались царской щедростью и всеми достойными почестями от царствующего государя». Чем же заслужили варвары-печенеги в глазах императора такую «царскую щедрость» и «достойные почести»? Константин Багрянородный дает недвусмысленный ответ на этот вопрос: «Печенежский народ живет по соседству с областью Херсона, и если они не состоят с нами в дружбе, то могут выступить против Херсона, делать набеги и грабить самый Херсон и так называемые Климатвы (южный берег Крыма). Но еще важнее, чем безопасность греческих городов на побережье Черного моря, для Византии было следующее: «Печенеги, кроме того, живут в соседстве и сопредельны с руссами и часто, когда живут не в мире друг с другом, грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков. И руссы стараются жить в мире с печенегами... Притом руссы вовсе не могут даже выступать на граничные войны, если не живут в мире с печенегами, так как последние во время их отсутствия сами могут делать набеги и уничтожать и портить их имущество. Посему руссы, дабы не получать от них вреда и ввиду того, что народ этот очень силен, всегда стараются быть в союзе с ними и получать от них помощь, чтобы вместе и избавляться от вражды с ними, и пользоваться их помощью. Руссы даже не могут приезжать в сей царствующий град Ромеев (Константинополь.— В. А.), если не живут в мире с печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел, так как, достигнув на судах речных порогов, они не могут переходить их, если не выташат суда из реки и не перенесут их на плечах; нападая тогда на них, печенежские люди легко обращают их в бегство и избивают, так как те не могут исполнять одновременно двух трудов». Кроме того, Константин Багрянородный рекомендовал использовать печенежскую орду для давления на кочевников — «турков» (торков), которые могли угрожать границам Византии, и заключал: «Когда царь ромейский живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу; не могут они и требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую царь при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на земли руссов и турков, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли».

Византия вовлекала печенегов в орбиту своей политики, подкупая печенежских вождей богатыми подарками, раздаваемыми византийскими дипломатами, «ибо печенеги, как народ вольный и самостоятельный, никогда не исполняют никакой службы без вознаграждения». Византийские послы и чиновники регулярно ездили с дарами в землю печенегов. В сочинении Константина Багрянородного содержится своеобразная инструкция «О посылаемых из богохранимого града царских чиновниках на судах по Дунаю, Днепру и Днестру в Печенегию», в которой подробно описывается порядок

¹⁵ ПСРЛ. Т. II, стб. 32.

¹⁶ Там же.

переговоров с печенегами. Приплыв к земле печенегов, «царский чиновник дает им весть через своего человека, оставаясь на судах и охраняя в них привезенные царские дары. И те приходят к нему; когда они придут, царский чиновник дает им своих людей в заложники и сам получает от печенегов других заложников, заключает их под стражу на судах и тогда договаривается с ними. Когда печенеги дадут царскому чиновнику клятвы по своим законам, он отдает им царские дары, получает от союзников сколько хочет и возвращается. С ними надлежит договариваться так, чтобы они исполняли службу, куда бы ни потребовал их царь — на Русь ли, или на болгар, или и на турков. Ибо они в силах воевать со всеми этими народами и, часто нападая на них, сделались ныне внушающими страх...».

Константин Багрянородный приводит также любопытные сведения об истории появления печенегов в причерноморских степях и о внутреннем устройстве печенежской орды. «Должно знать, что печенеги первоначально имели место жительства на реке Итиле (Волге), а также на реке Гейхе (Урале), имея соседями хазар и так называемых узов. Пятьдесят лет тому назад (сочинение Константина Багрянородного было написано в конце 40-х—начале 50-х годов X в.—В. А.) узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны, и ее заняли до сего дня называемые узы. Печенеги же, бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения. Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут турки (торки), они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране, владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет. Должно знать, что вся Печенегия делится на 8 округов и имеет столько же великих князей... В то время, когда печенеги были прогнаны с родных мест, они имели князьями: в округе Иртим — Майну, в Цуре — Куеда, в Гиле — Куркуту, в Куллее — Иная, в Харовой — Каидума, в округе Талмат — Костру, в Хопоне — Гиازی и в округе Цопоне — Ватана. После смерти их власть получили по преемству их двоюродные братья. Ибо у них существует закон и утвердилось древнее правило, чтобы (князья) не имели власти передавать саны своим детям или братьям, но довольствовались только приобретенными и управляли до конца жизни, и чтобы после смерти их ставились на их место или двоюродные братья, или дети двоюродных братьев, чтобы сан не переходил всецело в одной части рода, но чтобы власть наследовалась и воспринималась и в боковых ветвях. Из чужого же рода никто не входит и не делается князем. Восемь округов делятся на 40 частей, которые имеют меньших князей. Должно знать, что четыре колена печенегов... лежат за рекой Днепром, будучи обращены к восточной и северной сторонам — к Узии, хазарам, Алании, Херсону и прочим Климатам, а другие четыре рода расположены по сю сторону Днепра, к западной и северной сторонам; именно, округ Гиазихолский соседит с Булгарией, округ Нижней Гилы соседит с Туркией, округ Харовой соседит с Русью, а округ Явдиергим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с ултинами (улицами), древленинами... и прочими славянами. Печенегия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней, от Алании — на шесть дней, от Мордии (Мордовии) — на десять дней пути, от Руси — на один день...»¹⁷.

Таким образом, для печенежской орды середины X столетия были свойственны черты «военной демократии»; уже выделилась племенная знать — князья; власть вождей становилась наследственной. Для этой ступени развития родоплеменного строя у кочевых племен характерно наличие крепкой военной организации, превращение грабительских войн с оседлыми народами в постоянный промысел. Феофилакт Болгарский (X в.) так писал о печенегах: «Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстрого бега. Нападая, они предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеваются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно»¹⁸.

Вот какой страшный враг обосновался в непосредственной близости («на один день пути») от южных рубежей Древнерусского государства! Правда, после подготовившегося похода князя Игоря на Византию русские летописцы почти четверть века не сообщали о печенегах. Но это не означало, что на степной границе Руси было спокойно. Константин Багрянородный писал, что печенеги часто «грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков». Видимо, набеги печенегов на русское пограничье стали привычным делом, и в них не видели уже ничего необычного, достойного упоминания на страницах летописей. Кстати, в летописях нет ни одного упоминания и о нападениях печенегов на торговые караваны, следовавшие из Киева в Константинополь, хотя, по свидетельству Константина Багрянородного, поездки русских людей через «Печенегию» зачастую напоминали по опасности серьезные военные экспедиции. Лодки-«однодеревки», нагруженные товарами из Новгорода, Смоленска, Чернигова и других городов, собирались в караван у Киева и затем спускались вниз по Днепру,

¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Вып. 91. М.-Л. 1934.

¹⁸ Цит. по: В. Г. Васильевский. Труды. Т. I. СПб. 1903, стр. 4—5.

через пороги. Уже при прохождении четвертого порога «все ладьи причаливают к земле носами вперед; отряженные люди сходят держать с ними стражу и уходят; они неуспынно держат стражу из-за печенегов. Остальные, выбрав поклажу, находящуюся в однодеревках, и рабов в цепях, проводят их сухим путем 6 миль, пока не пройдут порога. Затем они тащат свои однодеревки волоком, другие несут на плечах и таким образом переправляют на другую сторону порога, спускают их там в реку, грузят поклажу, входят сами и продолжают плавание». Следующая опасность подстерегала караваны за седьмым порогом, на так называемой Крарийской переправе. «Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому (80 м), а вышиною — от его низа до того места, где сидят союзники, так что долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему печенеги приходят и на это место и нападают на руссов». Русским торговым караванам грозила опасность со стороны печенегов и на морском побережье от Днепра до реки Селины (в гирле Дуная). «Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит однодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять печенегам».

5. Где там Царьград?

Деятельность византийской дипломатии в причерноморских степях заметно активизировалась в конце 60-х годов X столетия, когда киевский князь Святослав, победив болгар, утвердился на Дунае и угрожал интересам Византии в этом районе. Следуя своей традиционной политике, Византия организовала наступление печенежской орды на русские рубежи. В 968 г., воспользовавшись отсутствием князя Святослава, который с большей частью русского войска находился в Дунайской Болгарии, печенеги подступили к городу Киеву. События во время осады столицы Древнерусского государства печенежской ордой подробно описаны в южнорусской летописи. В городе, окруженном «бесчисленным множеством» печенегов, заперлась княгиня Ольга с внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. Кольцо осады было настолько плотным, что «нельзя было ни выйти из города, ни весть послать, и изнемогали люди от голода и жажды». На другой стороне Днепра собрались люди с лодками и дружина воеводы Претича, но они не могли оказать помощь осажденной столице. Тогда киевляне «затузили» и начали говорить: «Нет ли кого, кто бы мог передать на другую сторону (Днепра): если не приступите утром под город, сдадимся печенегам». И сказал «один отрок»: «Я могу перейти!» Он вышел из города с узелочком в руках и, проходя через печенежский лагерь, спрашивал по-печенежски: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Печенеги принимали его за своего, и так он беспрепятственно прошел к Днепру, бросился в воду и поплыл. Печенеги начали стрелять вслед ему из луков, но было уже поздно: его подобрала лодка с другого берега Днепра. Отрок передал «дружине» наказ киевлян. Воевода Претич ответил: «Подступим завтра утром в ладьях и княгиню и княжичей умчим на эту сторону, если этого не сделаем, погубит нас Святослав!» Утром трубачи воеводы Претича громко затрубили в боевые трубы, и дружина поплыла к Киеву. Печенеги, подумав, что это возвращается князь Святослав с войском, разбежались. Один же печенежский вождь окликнул воеводу: «А ты князь ли?», — на что Претич ответил такой: «Я муж его и пришел в сторожех (в передовом отряде), а за мной идет воинов бесчисленное множество». Военная хитрость удалась. Устрашенный печенежский вождь предложил: «Будь мне друг» — и обменялся с русским воеводой подарками. «И отступили печенеги от города», — закончил рассказ летописец.

Однако печенежская орда кочевала в непосредственной близости от Киева, у реки Лыбеди. Киевляне срочно послали к Святославу гонца: «Ты, княже, чужую землю ищешь и бережешь, а о своей забыл, чуть было нас не взял печенеги, и мать твою и детей твоих, если не придешь и не оборонишь нас, то возьмут...» Князь Святослав вскоре вернулся с дружиной в Киев, «собрал воинов и прогнал печенегов в поле, и было мирно»¹⁹. На этот раз печенеги были успешно отбиты, их нападения на русские границы временно прекратились. Но близкое соседство воинственной печенежской орды заставляло князя Святослава, снова начавшего войну в Болгарии, постоянно беспокоиться за свой тыл. Уже в 971 г., по сообщению летописца, киевскому князю опять пришлось «думать с дружиною своею» о том, что «печенеги с нами ратны». Не случайно воевода Свенельд советовал князю Святославу возвращаться из болгарского похода «на конях», а не в ладьях через днепровские пороги, потому что «стоят печенеги в порогах». Однако Святослав решил возвращаться «с малой дружиной» водным путем. Опасения опытного воеводы оправдались. Печенеги, по словам летописца, «заступили пороги», и «нельзя было пройти пороги». Святославу и его спутникам пришлось зимовать в Белобережье. Весной 972 г. князь Святослав снова попытался пройти занятые печенегами пороги, но «напал на него Куря, князь печенежский, и убил Святослава, и взял голову его, и из черепа его сделал чашу, оковав (золотом), и пил из нее»²⁰.

После трагической смерти князя Святослава упоминания о печенегах на несколько лет исчезли из летописей. Но присутствие неподалеку от центров Руси воинственной

¹⁹ ПСРЛ. Т. II, стб. 53—55.

²⁰ Там же, стб. 59, 61—62.

печенежской орды (степная граница проходила всего в двух днях пути от столицы!) князьям приходилось учитывать и во внешней политике и во внутренних делах. Премник Святослава на киевском «столе» князь Ярополк в 978 г. успешно воевал с печенегами и даже обложил их данью. Видимо, следствием этого успеха был переход одного из печенежских вождей на службу к киевскому князю. В 979 г. в Киев «пришел печенежский князь Илдей и бил челом Ярополку на службу; Ярополк же принял его и дал ему грады и волости». Этим было положено начало той политике, которую систематически проводило Древнерусское государство по отношению к кочевникам южных степей: привлекать к себе на службу отдельные их орды, чтобы они сами били своих соплеменников. И в дальнейшем киевские князья неоднократно принимали на службу печенежских вождей. Так, в 988 г., по сообщению летописца, «пришел печенежский князь Метигай к Владимиру и крестился». В 991 г. принял христианскую веру печенежский князь Кучюг «и служил Владимиру от чистого сердца»²¹. По-видимому, еще между киевским князем Ярополком и печенегами было заключено соглашение, которое позволяло ему надеяться на помощь печенежской орды в борьбе со своими соперниками, другими русскими князьями. Показательно, что во время борьбы за великокняжеский «стол» в 980 г., когда Владимир Святославич с новгородским войском и наемными варяжскими отрядами двинулся на своего брата Ярополка и изгнал его из Киева, приближенный Ярополка, некий Варяжко, советовал своему князю: «Не ходи, княже (к Владимиру), убьют тебя, беги к печенегам, и приведешь воинов». Ярослав действительно был убит, после чего «Варяжко бежал со двора к печенегам, и много воевал с печенегами против Владимира»²². Это было первое летописное известие об участии кочевников в усобицах русских князей.

6. Богатырские заставы

Столкновения с печенегами продолжались и при Владимире Святославиче. Это заставляло Древнерусское государство еще больше укреплять степные границы. По сообщению летописца, в 988 г. князь Владимир сказал: «Се не добро есть, что мало городов около Киева», и «начал ставить города по Десне и по Осетру, по Трубежу и по Суле, и по Стугне, и начал набирать лучших мужей от словен, и от кривичей, и от чуды, и от вятичей, и ими населил города, потому что была рать от печенегов»²³. Укрепленные линии на южных границах Руси, состоявшие из городков-крепостей, соединенных между собой валами, рвами и завалами, протянулись на сотни километров. Оборонительных сооружений таких масштабов, пожалуй, не знала история европейской средневековой фортификации. Постоянные гарнизоны набирались в пограничные крепости со всех областей страны. Борьба с печенегами фактически превратилась в общенародное дело. Недаром народ досел в своих былинах «заставы богатырские», оборонявшие родную землю от врагов, и связал их появление с именем киевского князя Владимира. Традиционная «популярность» Владимира объясняется, по-видимому, отчасти тем, что сам ход вещей привел к участию народных масс в военно-оборонительных делах. Это были те смерды (свободные и феодально-зависимые крестьяне) широкой лесостепной полосы, которые то пахали землю на своих лошадях, то скакали на них в погоню за кочевниками. В Киев бежали холопы со всех концов Руси, приходили крестьянские семьи, оторвавшиеся от своих общин и искавшие опоры вне своих старых связей. Все это способствовало созданию резерва дружинных сил. Княжеская власть, наполнявшая новые города тысячами набранных в разных концах Руси воинов, укрепляла тем самым новый порядок обороны страны руками тех крестьянских сыновей, которые, перестав корчевать общинную «лядину», отправлялись в города в поисках новой жизни. Былинный богатырь Микула Селянинович — сверялся, вступающий в княжескую дружину. Из глубин Руси едет крестьянский сын Илья, потеснивший членов старой родовитой дружины киевского князя. Знаменитые пиры князя Владимира, которые он устраивал ежегодно, «сзывая бесчисленное множество народа», были вызваны политическим расчетом дальнего прицела. Поэтому-то Владимир и его воеводы постарались облечь их в форму общения с широкой массой разнородного люда, приходившего в столицу. Вот почему былины о владимирском Киеве, воспевающие оборону южных рубежей Руси, дошли до наших дней в устах потомков новгородцев и суздальцев, унесших на далекий Север память о событиях Юга: ведь новгородские словене, и суздальские кривичи, и вятичи ездили на юг помогать киянам и курянам воевать с кочевниками. Народ не жалел поэтических красок для изображения своих защитников, воспевая, по существу говоря, в лице владимировых богатырей самого себя — тот народ, который стоял на Суле и на Стугне, ограждая Русь от степняков²⁴.

Каждая из укрепленных линий на степной границе имела свое стратегическое значение. Академик Б. А. Рыбаков охарактеризовал их следующим образом: из пяти рек (Десна, Осетр, Трубеж, Сула и Стугна), на которых строились новые крепости, четыре впадали в Днепр слева. На левобережье Днепра крепости возводились потому,

²¹ ПСРЛ. Т. IX. СПб. 1862, стр. 39, 57, 64.

²² ПСРЛ. Т. II, стб. 66.

²³ Там же, стб. 106.

²⁴ Подробнее см. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, стр. 61 сл.

что здесь меньше было естественных лесных заслонов, а степь доходила почти до самого Чернигова. Теперь печенегам приходилось преодолевать четыре барьера. Первый рубеж был на Суле, двести лет служившей границей между русскими и кочевниками. В «Слове о полку Игореве» о Половецкой земле иносказательно говорится так: «Комони (кони) ржут за Сулою». В устье этой реки археологи раскопали крепость-гавань, куда во время опасности со стороны кочевников могли заходить суда; укрепленная гавань носила характерное название — Воишь. Далее по Суле крепости стояли на расстоянии 15—20 км друг от друга. Если печенеги преодолевали этот рубеж, то они встречались с новым заслоном, по Трубежу. Здесь стоял один из крупнейших городов Киевской Руси — Переяславль. Если и это препятствие печенегам удавалось взять или обойти, то перед ними открывались пути на Чернигов и Киев. Но перед Черниговом лежали оборонительные линии по Осетру и Десне, затрудняя подход к этому древнему богатому городу. А чтобы попасть с левого берега Днепра к Киеву, печенегам нужно было перейти вброд реку под Витчевым и затем форсировать Стугну, по берегам которой Владимир и поставил крепости. Археологи в Витчеве на высокой горе над бродом отрыли мощную крепость конца X в. с дубовыми стенами и сигнальной башней на вершине горы. При первой же опасности здесь разжигали огромный костер, который простым глазом был виден в Киеве. В столице тотчас же узнавали о появлении печенегов на Витчевском броду. Стугнинская линия окаймляла «бор великий», окружавший Киев с юга. Это была последняя оборонительная линия, состоявшая из городов-крепостей Триполя, Тумаша и Василева и соединявших их валов. В глубине ее, между Стугной и Киевом, Владимир построил в 991 г. огромный город-лагерь Белгород, ставший резервом всех киевских сил. Постройка оборонительных рубежей с продуманной системой крепостей, валов и сигнальных вышек сделала невозможным внезапное вторжение печенегов, а также помогла Руси собираться с силами и переходить в наступление. Об этих порубежных крепостях-заставах и об удалцах, стороживших с их стен родную землю, народ сложил свои песни:

На горах, горах да на высоких,
 На шоломя (холме) на окатистом,
 Там стоял да тонкий бел шатер.
 Во шатре-то удаленьки добры молодцы...
 Стерегли-берегли они красен Киев-град.

Почти тысяча лет прошло с того времени, когда русские люди возводили на степной границе укрепленные линии. Археологические раскопки этих грандиозных оборонительных сооружений дают возможность представить, какими были «заставы богатырские», оберегавшие Русь. Так, в селе Заречье, поблизости от древнего города Василева, на левом берегу реки Стугны (напомним, что эта река впадает в Днепр в 40 км южнее Киева), были обнаружены остатки древней пограничной крепости Новгород-Малого. Крепостица Новгород-Малый, входившая в состав укрепленной оборонительной линии, стояла на крутом, обрывистом берегу Стугны. К холму, примыкая с двух сторон к крепостным стенам, подходили знаменитые «Змиевы валы». Вершина холма была укреплена мощными дубовыми стенами, частично засыпанными внутри землей. В северной, противоположной от степи стороне крепости были расположены ворота, укрепленные кладкой из сырцовых кирпичей. Над воротами возвышалась рубленая двухъярусная башня. Крепость окружал глубокий ров; легкий мостик, перекинутый через него к воротам, поднимался в случае опасности. Еще одна башня высилась в восточной части крепости. На этом месте археологи обнаружили оружие и узорные бляшки португез — остатки воинского снаряжения. За крепостными стенами стояли легкие наземные жилища. Все это представляло собой военный лагерь, сторожевой пост, где несли службу «лучшие мужи», набранные киевским князем со всех концов земли Русской. Возможно, здесь были и витязи из далекого северного Новгорода, давшие «малому» городку свое имя. Крепостица Новгород-Малый просуществовала недолго и погибла под ударом врага во время большого печенежского похода. Все деревянные постройки сгорели во время сильного пожара. Б. А. Рыбаков высказал предположение, что Новгород-Малый был разрушен в 996 г., когда многочисленная печенежская орда ударила по звену Стугнинской укрепленной линии, а князь Владимир не располагал достаточным войском, чтобы отбить печенегов «в поле». Небольшой гарнизон крепости погиб, пытаясь сдерживать в неравной борьбе печенежские полчища, но выполнил свою роль в решении общей стратегической задачи — не пустил печенегов за Стугну, от которой до стольного Киева было всего три часа быстрой скачки. Печенеги были остановлены, дальше Стугны они в этот раз не прошли²⁵. А сколько было еще таких безымянных, забытых битв, подвигов и трагедий, о которых летописец порой записывал кратко: «Была рать беспрестанно от печенегов!»

Мероприятия по укреплению южной степной границы оказались весьма своевременными: в 90-х годах X столетия печенеги значительно усилили натиск на Русь. Древнерусскому государству потребовалось огромное напряжение сил, чтобы сдержать наступление печенежских орд. Страницы летописей, посвященные этим событиям, — это непрерывный перечень битв, осад городов, тяжелых жертв и гибели множества

²⁵ Б. А. Рыбаков. Застава богатырская на Стугне. «Города феодальной России». Сборник статей. М. 1966.

людей, изощренных военных хитростей. В 990 г. «приходило множество печенегов и много зла сотворили христианам». Киевскому князю Владимиру удалось остановить это опустошительное нашествие, он «со множеством воинов вышел против них и многих избил, и мало кто из них избежал (смерти)». Спустя два года русское войско, которое послал Владимир на печенегов, одолело их и «возвратилось с победой и радостью к Владимиру»²⁶. В 993 г. большая печенежская орда подступила к реке Суле. Русское войско во главе с киевским князем выступило навстречу и встретило печенегов на реке Трубеже, у брода, на том месте, где впоследствии был построен город Переяславль-Южный. Дальнейший путь печенегам был закрыт, но Владимир не решился перейти реку и ударить по врагу. Видимо, силы печенежской орды были очень велики. Русские и печенеги стояли друг против друга по обе стороны реки. Об этих событиях подробно рассказывает летописец: «Приехал князь печенежский к реке, и позвал Владимира, и сказал ему: «Пусти ты своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой муж ударит им (о землю), тогда не воюем три года и разойдемся, если ударит мой муж, то воюем три года». Владимир послал бирича по палаткам, спрашивая: «Нет ли такого мужа, который бы вышел на бой с печенегом?» И не нашли нигде. Утром приехали печенеги (к реке) и своего мужа привели, а нашего не было, и начал тужить Владимир, посылая ко всем воинам своим. И пришел один старик к нему, сказал: «Княже, есть у меня дома один сын младший, а с четырьмя пришел (сюда). С детства никому не удавалось им ударить (о землю). Однажды бранил я его, когда он мял кожи, а он рассердился на меня и разорвал их руками». Князь, услышав это, рад был и срочно послал за ним, и привели его к князю, и князь поведал ему все. Он же сказал: «Княже, не ведаю, смогу ли с ним (биться), испытай меня. Нет ли вола большого и сильного?» И привели сильного вола, разъярили раскаленным железом и пустили, и побежал вол мимо него, и схватил (он) вола рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколько рука его ухватила. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним (печенегом) бороться!» И назавтра гришли печенеги и начали звать (на бой)... И выпустили печенеги мужа своего, и был (он) очень велик и страшен. И выступил муж Владимира. Его увидел печенег и посмеялся, (потому что) был (он) среднего роста. И измерили место между полками, и пустили бойцов... и сдвинул (муж Владимира) печенега руками до смерти, и ударил его (о землю). И закричала Русь, а печенеги побежали. А Русь погналась за ними, рубя саблями, и прогнала их. Владимир же был рад, и заложил город на том броду, и назвал его Переяславль, потому что перенял славу (у печенегов) отрок»²⁷.

Трудно сказать, какие из описанных летописцем подробностей этого события произошли в действительности, а какие были домыслены, вылившиеся в традиционный рассказ о единоборстве двух богатырей. Однако, судя по летописным записям, условные между Владимиром и печенежским князем — не воевать три года в случае поражения печенежского богатыря — было выполнено. О новом нападении печенегов летописец сообщил только в 996 году. Кроме того, в летописи имеется упоминание о «богатыре» Яне Усмошвце (Кожевнике, от древнерусского слова «усние» — кожа), «убившем печенежского богатыря»²⁸. В 996 г. «пришли печенеги к (городу) Василеву». Князь Владимир вышел навстречу им «с малой дружиной» и потерпел поражение. Сам он бежал и «едва укрылся от противных», спрятавшись под мостом²⁹. Опасность со стороны печенегов была настолько велика, что в благодарность за спасение «обещал Владимир построить церковь св. Преображения, ибо был праздник Преображения в день, когда была сия сетя». В следующем году была с печенегами «рать великая беспрестанно». Силами южнорусских князей не удалось отбить печенежское наступление, и киевский князь отправил людей в далекий северный Новгород, чтобы собрать там войско. Печенеги, узнав, что «князя нет», осадили Белгород. В городе начался «великий голод», надежд на близкое освобождение не было. Напрасно осажденные ждали помощи от своего князя: «не собрались к нему воины, печенегов же было множество». Только хитрая уловка спасла белгородцев от врага. Один «старец» посоветовал поставить в два колодца кадушки, собрать последние запасы продовольствия и изготовить из него «цежь» (кисель из овса и ржи) и налить ее в одну бочку, а мед — в другую. Затем белгородцы позвали печенежских послов, показали им, как из одного колодца черпали «цежь», а из другого — мед, и сказали: «Сия пища нам беспрестанно из земли исходит!» Печенеги поверили и, решив, что осажденные не терпят голода, сняли осаду³⁰. За красочным рассказом летописца стояла суровая действительность: изнурительные осады, голод и лишения, разбой печенежских отрядов.

7. Устояли!

Именно к этому тревожному, полному опасностей времени патриарший летописец XVII в. относил свою первую запись о русских богатырях, совершавших героические подвиги в борьбе с печенегами: Александре (Алеше) Поповиче, широко известные

²⁶ ПСРЛ. Т. IX, стр. 53, 64.

²⁷ ПСРЛ. Т. II, стб. 106—108.

²⁸ ПСРЛ. Т. IX, стр. 68.

²⁹ ПСРЛ. Т. II, стб. 109.

³⁰ Там же, стб. 112—114.

по народным былинам, и Яне Усмошвец (Кожевнике), победившем печенежского богатыря в поединке на реке Трубуж. На страницах летописи записано под 1001 г.: «Богатыри. В лето 6509 Александр Попович и Ян Усмошвец, убивший печенежского богатыря, избил множество печенегов и князя их Родмана и с тремя сыновьями его в Киев к Владимиру привели. Владимир же устроил светлый праздник... и великие кади меду, и квасу, и вина поставил, и мясо, и рыбу, и всякие овощи, что кому хотелось, то и ели»³¹. Это летописное известие удивительно точно совпадает с описанием знаменитых «пиров» князя Владимира в народных былинах. В 1004 г., когда снова пошли печенеги на Белгород, киевский князь «послал на них Александра Поповича с многими силами». «Печенеги же, услышав об этом, побежали в поле». В русских былинах подробно описывается, как были вооружены богатыри князя Владимира, побеждавшие печенежских витязей. Богатыри — это конные воины, одетые в кольчужные брони, вооруженные копьями, мечами или саблями, луками и стрелами, палицами-булавами. Илья Муромец, снаряжаясь на бой с «Калин-царем», надевал «кольчуги золоченые», брал «лук тугой» и «калены стрелы», «саблю вострую», «копье долгомерное», «палицу военную». В былинах о других богатырях упоминаются «меч», «булатен нож», «злат шелом» и т. д. Богатыри — это прирожденные воины, не расстававшиеся с оружием. Только полная тревог и опасностей действительность могла породить такие былинные образы! Вот богатырь Вольх (Вольга), ему от рождения всего-то «полтора часа», а он уже требует:

А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясай во поесья шелковые —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу.

Археологи не раз находили описанные в былинах «кольчатые брони» — рубахи из мелких переплетенных между собой железных колец, и «досчатые брони», сделанные из железных пластин, нашитых на кожаную основу в виде чешуи. Голову древнерусского воина защищал в бою «шелом», железные или «шеломчатые колпаки», «шишак» — плавное вытянутый кверху шлем, заканчивавшийся втулочкой — «шишом», в которую вставлялся яркий султан — «еловец». И в былинах у богатыря «шишак на голове-де как огонь горит». Готовясь к выстрелу, богатырь

Вынимал из налушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу.
...А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает.
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рога у туга лука,
Заскрипели полосы булатные.

Это описание богатырского лука вполне соответствует действительно бытовавшему на Руси в X в. «сложному луку», состоявшему из втулки — «кибити», в которую вставлялись два «рога». На луке были костяные или металлические накладки — «полосы». Палица, тоже очень распространенная часть вооружения, обычно упоминалась в былинах с эпитетами «военная», «боевая», «булатная», реже «медная». Ею богатырь «поигрывает», подбрасывая под облака и ловя одной рукой, и требует себе «поединщика». Такие палицы хорошо известны по археологическим раскопкам. Это булавы с деревянной рукоятью и набалдашником, как правило, из бронзы, иногда из камня³². Вооружение былинных богатырей, таким образом, несмотря на некоторые вполне понятные преувеличения (богатырь, к примеру, «берет палицу боевую в пятьдесят пудов»), соответствует вооружению киевского дружинника, конного воина, который успешно бьется с печенежскими всадниками и побеждает их. Русские умельцы-ремесленники — оружейники, кузнецы, кольчужники, шорники — дали в руки своим защитникам надежное оружие.

Успешные походы русского войска и несколько побед, одержанных над печенежской ордой, по-видимому, вызвали разногласия между печенежскими вождями. В 1004 г. «убит был Темир, князь печенежский, своими сродниками»³³. Однако «Дикое поле» все еще нависало враждебной силой с юга над Русью. Об обстановке на степной границе Руси содержится много интересных данных в письме к германскому императору мерзбургского архиепископа Бруно, который побывал в «Печенегии» в 1006 году. По дороге в степь Бруно останавливался у киевского князя Влади-

³¹ ПСРЛ. Т. IX, стр. 68.

³² Подробнее см. Р. Липец, М. Рабинович. К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей). «Советская этнография», 1960, № 4.

³³ ПСРЛ. Т. IX, стр. 68.

мира и вместе с ним доехал до укрепленных линий, ограждавших Русь со стороны степей. Вот что писал мерзбургский архиепископ о своем путешествии к печенегам: «Русский государь, известный своим могуществом и богатствами, удерживал меня у себя целый месяц (как будто бы я по своей воле шел на гибель!) и противился моему предприятю, стараясь убедить меня не ходить к этому дикому народу, среди которого невозможно отыскать ищущих спасения, а найти себе бесполезную смерть — всего легче. Но он не мог отклонить меня от моего намерения». Далее Бруно описывал, как князь Владимир «сам, с войском своим, два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него, для безопасности от неприятеля, на очень большом пространстве обведены со всех сторон завалами». Это был рубеж Русской земли; дальше шла степь — опасная и враждебная, отрезавшая от Руси путь к Черному морю. «На границе он (князь Владимир) слез с коня, — продолжает Бруно, — я шел впереди со спутниками моими, а он следовал за нами со своими старейшинами: таким образом мы и вышли до ворота (укрепления). Владимир расположился на одном холме, мы — на другом... Государь прислал к нам одного из старейшин сказать: «Я довел тебя до того места, где оканчивается моя земля и начинается земля неприятельская». А далее, на расстоянии двух дней пути, начинались печенежские кочевья, на третий день пути — «главный стан печенегов». «Два дня шли мы (после перехода границы Руси. — В. А.) без всякого препятствия, на третий день — это была суббота — нас рано схватили печенеги. В тот же самый день нас всех, с наклоненными головами и обнаженными шеями, три раза, т. е. утром, в полдень и к вечеру, подводили под топор палача... Было воскресенье, когда нас препроводили в главный стан печенегов».

Видимо, киевский князь старался использовать любые средства, чтобы предотвратить очередные нападения печенегов и заключить с ними хотя бы временное перемирие. Только этим можно объяснить тот факт, что «от имени русского князя» Бруно вел переговоры о мире с печенегами. Как гарантию соблюдения им мирного договора князь Владимир, рассказывает Бруно, даже послал «печенегам» в заложники мира сына своего. Записки архиепископа подтверждают даваемую современными учеными характеристику печенежской орды как «военной демократии» с большим влиянием племенной верхушки («печенежских старейшин») и собранием всех взрослых членов племени, решавшим важнейшие вопросы. Бруно и его спутники по прибытии должны были ждать «до тех пор, пока весь народ, оповещенный через нарочитых гонцов, не соберется на совет. В следующее воскресенье, при наступлении вечера, нас ввели в середину этого собрания, подгоняя бичами нас и коней наших. Несметная толпа народа, со сверкавшими от злости глазами и пронзительным криком, бросилась на нас; тысячи топоров, тысячи мечей, простертых над нашими головами, грозили расечь нас на части. Так нас мучили непрестанно и терзали до темной ночи, пока наконец печенежские старшины не поняли речей наших и... не исторгли нас властью своею из рук народа». Так описывал архиепископ Бруно свою встречу с печенегами, «самым грубым и самым свирепым, какой есть на земле, языческим народом»³⁴. Если архиепископу Бруно и удалось «от имени русского князя» заключить перемирие с печенегами (русские летописцы не подтверждают этого факта), то перемирие это было недолгим и непрочным. В 1015 г. незадолго до смерти князя Владимира, печенежская орда снова двинулась на Киевскую землю; навстречу «печенегам, идущим на Киев», был послан с войском князь Борис, сын Владимира.

После смерти Владимира Святославича печенежские отряды активно участвовали в междоусобной войне его сыновей, поддерживая киевского князя Святополка против новгородского князя Ярослава. Ярослав, женатый на дочери шведского короля, привлек к себе на службу отряды варяжских наемников. Он обратился с призывом к новгородскому вече: «Братья! Отец мой Владимир умер; в Киеве княжит Святополк. Я хочу идти на него войной, поддержите меня!» Новгородцы собрали трехтысячное войско, которое вместе с Ярославом и варягами двинулось вниз по Днепру, к Киеву. В свою очередь, Святополк собрал «бесчисленное множество воинов, русских и печенегов», и подступил с войском к городу Любечу, где и произошла решительная битва между братьями-соперниками. Святополк расположил основные полки между двух озер, поставив печенежскую орду на другом берегу озера. Это во многом определило исход боя: печенеги не смогли вовремя прийти на помощь своему союзнику. Святополк потерпел поражение и бежал в Литву, а печенежская орда, не приняв боя, откочевала в степь³⁵. Ярослав занял Киев. Однако уже в следующем, 1017 г. печенежская орда совершила опасное нападение на столицу, часть печенегов прорвалась даже за городские стены. Как сообщает летописец, «пришли печенеги к Киеву, и вселись в Киев, и едва к вечеру одолел Ярослав и победил печенегов, и отбежали (печенеги)»³⁶. Готовясь к осаде, горожане выкопали вокруг города ров, пустили в него воду и прикрыли сверху бревнами; на крепостных стенах укрепили много нарубленных зеленых ветвей, чтобы помешать печенежским стрелам залетать внутрь города. Ворота Киева были оставлены открытыми, и в них расположились отряды для вылазки. Видимо, через них-то печенеги и «вселись» в город перед тем, как войско Ярослава отбило их сокрушительной контратакой.

³⁴ «Университетские известия» (Киев), 1873, отд. II, № 8, стр. 5—13.

³⁵ ПСРЛ. Т. II, стб. 128—129.

³⁶ ПСРЛ. Т. IX, стр. 75.

Однако междоусобная война продолжалась. Святополк заручился поддержкой польского короля Болеслава Храброго и с его войском пошел на Киев; тысячный печенежский отряд присоединился к этому войску. В битве на реке Буге Ярослав был разбит и возвратился в Новгород. В Киев вновь вступил Святополк. От того времени сохранилось интересное описание Киева. «В большом городе,— сообщают польские авторы,— который был столицей этого государства, находилось более 400 церквей, 8 торговых площадей и необычайное скопление народа... Он (Киев) оказывал до сих пор постоянное сопротивление печенегам, приносящим много вреда, и подчинял себе других». Когда польское войско ушло, Святополк опять должен был уступить столицу своему настойчивому сопернику и бежал к печенегам. И снова, как это случалось не раз, с помощью печенегов разгорелась междоусобица. В 1019 г. «пришел Святополк с печенегами в силе великой». На реке Альте произошла битва Святополка и его союзников-печенегов с полками Ярослава. По словам летописца, такой «сечи злой» еще не было до тех пор на Руси: полки «сходились трижды», кровь текла по земле. Несмотря на помощь печенежской орды, Святополк был разбит наголову и умер от ран. Однако печенеги не успокоились и в 1020 г. совершили опустошительный поход на Киевскую землю. Князю Ярославу не удалось воспрепятствовать новому разорению: печенежская орда с захваченной добычей ушла в степи. «Пришли печенеги, и много зла сотворили, и пошли восвою»³⁷.

Феодалная война между сыновьями Владимира Святославича показывает наметившийся перевес сил в пользу Руси. Если в конце X в. киевскому князю для отпора печенежской орде приходилось собирать общерусское войско, привлекая полки даже из Новгорода, то теперь печенеги, выступая порой в союзе с одним из самых сильных русских князей, Святополком, терпели тем не менее поражение за поражением. Самостоятельные походы печенежской орды на русские земли прекратились на полтора десятилетия; упоминания о печенегах надолго исчезли из русских летописей. Определенную роль в прекращении набегов печенегов сыграли, вероятно, и действия князя Ярослава по укреплению степной границы. В 1032 г. он «начал ставить города по Роси»³⁸, пограничной реке, прикрывавшей столицу Древнерусского государства с юга. Последнее нашествие печенежской орды на Русь произошло в 1036 году. Князь Ярослав находился в то время в Новгороде, куда и «пришла ему весть, что печенеги окружили Киев». Ярослав «собрал воинов много, варягов и словен», и поспешил на помощь осажденной столице. Его войску удалось пройти в город через печенежское окружение и соединиться с киевской ратью. Решающее сражение между русскими полками и печенежской ордой произошло под стенами Киева, на том месте, где впоследствии был построен Софийский собор. В те далекие времена, по словам летописца, здесь было «поле вне града». В центре русского строя стояла варяжская дружина, на правом крыле — киевский полк, а на левом — новгородцы, пришедшие с князем Ярославом. Битву начали печенеги, обрушившиеся всей конной массой на русское войско. «Была сеча злая, и едва одолел к вечеру Ярослав, и побежали печенеги, и не ведали, куда бежали, и одни утонули в (реке) Ситоцми, другие — в иных реках, и так погибли»³⁹. Летописец преувеличил: конечно, не все печенеги погибли при бегстве от Киева. Одна часть печенежской орды откочевала на запад, а другая отступила в причерноморские степи, растворившись в новой волне азиатских кочевников — племенах торков. Отдельные отряды печенегов поступили на службу к киевским князьям и остались жить поблизости от русской границы. Летописцы упоминают о печенегах даже в XII в., в связи с событиями на Дону, Донце и Роси. Однако самостоятельной роли эти осколки некогда грозной печенежской орды уже не играли. Война с печенегами фактически закончилась. Русь выстояла, ликвидировав этого опасного врага, свыше столетия угрожавшего южным границам.

8. Народ-воитель

И церковные и княжеские летописцы, повествуя о войнах с печенегами, по вполне понятной причине выпячивали роль князей в этих событиях. В их описаниях князь «собирая воинов», «ходил в опасные походы в глубь степей, кизбивал и «побеждал» печенегов и возвращался «с честью и славою великою» в свою столицу. И все это — в единственном числе, за исключением случаев, когда в походе участвовало несколько князей. Однако более внимательный анализ летописных известий о войнах с печенегами позволяет подметить одну интересную закономерность: в наиболее трагических и крупных эпизодах этих войн главными действующими лицами и героями выступают простые люди, выходящие из народа. При осаде Киева печенегами в 968 г. город спас, как мы видели, безвестный «отрок», который прошел с уздечкой в руках через вражеский лагерь и привел помощь. Во время крупного печенежского похода 993 г., когда орда и русское войско сошлись у брода через реку Трубеж, на поединке с печенежским богатырем вышел не князь и не «княжий муж» — дружинник, а скромный, неказистый ремесленник Ян Кожемяка, пятый сын какого-то «старика», явно не принадле-

³⁷ ПСРЛ. Т. II, стб. 131—132; т. IX, стр. 77.

³⁸ ПСРЛ. Т. I. СПб. 1846, стб. 150.

³⁹ ПСРЛ. Т. II, стб. 131, 138—139.

жавшего к княжескому окружению. Когда многочисленная печенежская орда в 997 г. осадила Белгород, а князь не мог оказать помощи, простой белгородский «старец» дал городским старейшинам спасительный совет, который позволил обмануть врагов и снять осаду. Как уже говорилось, герои «богатырских застав», былинные богатыри, происходили, как правило, из самой гущи народа, были крестьянскими сыновьями. Древние авторы своеобразно подметили тот факт, что основную тяжесть войны с кочевниками вытесли на своих плечах народные массы: простые «вои» пограничных крепостей, которые пришли на южный рубеж со всех концов Руси и бдительно несли полную опасностей сторожевую службу на укрепленных линиях; смерды-землепашцы, не выпускавшие из рук копий и топоров и быстро собиравшиеся под знамена князей для отпора врагу; «младшие дружинники», призванные князьями для постоянных битв; горожане, стойко оборонявшие стены своих родных городов от налетов печенегов, терпевшие голод и лишения во время длительных осад, но не сдававшиеся врагу. Народ — вот кто был подлинным героем и воетелем за Русскую землю.

Борьба с воинственной и многочисленной печенежской ордой в течение многих десятилетий стала основной внешнеполитической государственной задачей Древней Руси, хотя, по справедливому замечанию академика Б. Д. Грекова, «несомненно, печенеги для Древнерусского государства не представлялись непобедимыми» и «Русь их успешно отбивала и осваивала, включая в состав подвластных Киеву народов»⁴⁰. Тяжелая и продолжительная война с печенегами (по подсчетам Б. Д. Грекова, киевские князья серьезно воевали с печенегами 16 раз, не считая мелких столкновений!) потребовала от Древнерусского государства большого напряжения сил. Несмотря на конечный успех этой борьбы — разгром печенежской орды под Киевом в 1036 г., — потери Руси в борьбе с печенегами были значительны. Пограничные области неоднократно подвергались опустошительным набегам, сопровождавшимся разорением городов и деревень и массовым уводом в плен населения. Печенежские «наезды», которых было множество, привели в конце X — начале XI в. к отступлению части славянского земледельческого населения из пограничных со степью районов на север и северо-восток, под защиту лесов. Южная граница славянских поселений теперь не заходила далее укрепленных линий: ведение земледельческого хозяйства в степной и в немалой части лесостепной полосе было невозможно из-за печенежской опасности. Крайне отрицательные последствия для развития экономики страны в целом имела утрата Русью в результате печенежского наступления плодородных черноземных земель на юге и ликвидация тех островков оседлого земледелия, которые образовались в степях благодаря славянскому заселению в VIII—IX веках. Печенеги систематически пересекали жизненно важные для Руси торговые пути в Византию и на восток; печенежская кочевая стихия отрезала Русь от Черного моря. Вмешательство печенегов в междоусобную борьбу потомков князя Владимира Святославича за «стольный» Киев усугубляло разрушительные последствия феодальных войн, нарушало политическую стабилизацию. Определенное влияние оказало печенежское наступление и на международное положение Руси. Занятые постоянными войнами с печенегами, киевские князья не имели возможности проводить достаточно активную внешнюю политику на западных рубежах страны. Дорогой ценой платила Русь за безопасность народов Центральной и Западной Европы, огражденных русскими «богатырскими заставами» от разорительных набегов кочевников! В то же время ведущая роль Киева — «матери городов русских» — в организации борьбы с кочевниками в общегосударственном масштабе стала одной из причин, содействовавших превращению его в признанный политический центр страны, тем более что создание системы пограничных крепостей с постоянными гарнизонами, воины которых были набраны из различных областей Руси, сосредоточило в руках киевского князя большие военные ресурсы⁴¹. Может быть, даже принятие христианства (наряду с другими причинами) было в какой-то мере вызвано потребностями обороны: оно позволило нормализовать отношения с Византией, что обеспечило тыл для борьбы с печенегами и ослабило опасность византийско-печенежского союза (как известно, до принятия христианства именно византийская дипломатия прилагала немалые усилия, чтобы организовать наступление печенегов на Русь).

Печенегов, разгромленных в боях с русскими дружинами, сместили в причерноморских степях новые пришельцы из Азии — торки (гузы, огузы). О происхождении кочевого племенного союза торков существуют различные мнения. Одни историки считают торков северной ветвью сельджукских орд, двигавшихся в первые десятилетия XI в. на запад из Средней Азии, другие — передовым отрядом половецкого (кипчакского) племенного союза. В X в. тюркское племенное объединение торков-гузов занимало приуральские степи вплоть до Волги. По сообщению арабского историка Масуди, торки неоднократно воевали с Хазарским каганатом, владения которого примыкали к районам их кочевий с запада: «Иногда кочевники из тюрков — гузы — (зимой) переправляются в страну хазар, и иногда, когда те, кто расположен там из его (хазарского кагана) людей, не может отразить их, против них выступает хазарский царь, не дает им переправляться по этому льду и отражает их от своей страны. А летом тюрки

⁴⁰ Б. Д. Греков. Избранные труды. Т. II. М. 1959, стр. 373—374.

⁴¹ См. Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 40.

не могут переправляться через нее (реку)»⁴². Есть основания полагать, что торки были союзниками князя Святослава во время его походов на Хазарский каганат в 60-х годах X столетия, закончившихся разгромом Хазарии. В качестве союзников киевских князей торки выступали и позднее. Не случайно первое упоминание о них в русской летописи связано с совместным походом русских и торков против волжских болгар. По сообщению южнорусского летописца, в 985 г. князь Владимир Святославич с войском двинулся на Волжскую Болгарию речным путем, «в ладьях», и «торков берегом привел на конях, и так победил болгар»⁴³.

В конце X — начале XI в. торки появились на правобережье Волги и постепенно заняли придонские степи, вытеснив отсюда печенегов. Наступление торков на тылы печенежской орды облегчило победу Руси над старым врагом. Однако после разгрома печенегов торки сами подошли к русским границам, и уже в 1055 г. летописец сообщил о войне с ними переяславского князя Всеволода. По словам летописца, пошел Всеволод «на торков зимой войною и победил торков». Одной из причин продвижения торков на запад было то, что их теснили племена половцев, также проникших в причерноморские степи. Киевские князья, внимательно следившие за изменением обстановки на южных границах, постарались использовать половцев для борьбы с торческой ордой, кочевавшей в непосредственной близости от русских рубежей. Летописец сообщил, что переяславский князь вел переговоры с одним из половецких вождей, которые закончились заключением мирного договора: «Приходил Блушь с половцами, и заключил Всеволод мир с ними». Торки, видимо, не представляли серьезной опасности для окрепшего Древнерусского государства: в первые годы их пребывания у русских границ с торческой ордой успешно воевал переяславский князь, не привлекая военных сил других княжеств. А когда в 1060 г. на торков двинулось объединенное русское войско, они вообще были разгромлены и перестали играть самостоятельную роль в политических делах Северного Причерноморья. В походах против торков приняли участие самые влиятельные русские князья: Изяслав Киевский, Святослав Черниговский, Всеволод Переяславский, Всеволод Полоцкий. По сообщению летописца, «Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеволод, и Всеволод, собрав воннов бесчисленно, пойдя на конях и в ладьях бесчисленным множеством на торков, и, услышав об этом, торки, испугавшись, бежали и погибли, убогая, одни от зимы, другие от голода, иные же от мора»⁴⁴. Остатки торческой орды откочевали на запад, к границам Византийской империи. Но и война с Византией не принесла им успеха. Часть торков осела в Македонии, а остальные вернулись в причерноморские степи. Торки, поселившиеся в Приднепровье, признали власть киевского князя и остались здесь служить в военных гарнизонах пограничных крепостей. Основным районом расселения «служебных» торков был бассейн рек Роси и Россавы, где возник город Торческ. Факт постоянного и длительного проживания в этих местах торков подтверждается материалами археологических раскопок. Впоследствии «служебные» торки Поросья сыграли значительную роль в обороне южных границ Древнерусского государства от набегов половцев. Они не только поддерживали киевских князей в борьбе с половецкими набегами, но и сами часто являлись инициаторами походов на половецкие кочевья; были случаи, когда киевским князьям приходилось даже отговаривать своих «служебных» торков от походов в степь.

Таким образом, Древняя Русь сумела отбить натиск многочисленных кочевых орд печенегов и торков, и не только разгромила их, но и поставила остатки этих орд себе на службу. Решающую роль в успешной борьбе с кочевниками причерноморских степей сыграло образование и укрепление Древнерусского государства, которое объединило военные силы славянских племен, сумело придать войне с кочевниками общенародный характер. Таковой явилась историческая миссия Древнерусского государства. Киевские князья, собиравшие «воев» для обороны южных границ со всех земель Руси, были грозной силой для кочевников. К середине XI в. в войнах с кочевниками намечался явный перевес в пользу Руси. В последующие десятилетия изменили обстановку на южных рубежах два обстоятельства. Во-первых, на Русь появились первые признаки феодальной раздробленности, наступила целая полоса длительных междоусобных войн, серьезно ослабившая военные силы страны. Система общегосударственной обороны степной границы оказалась нарушенной. Объединение военных сил для походов в степи встречало большие трудности. Во-вторых, к середине XI столетия появилась новая волна азиатских кочевников-половцев, врагов гораздо более опасных, многочисленных и настойчивых, чем побежденные печенеги и торки. Снова начались кровавые сечи на степных рубежах Руси, снова запылали города и деревни в пограничных княжествах, снова потребовалось огромное напряжение всех сил, чтобы отбить вражеское наступление.

(Окончание следует.)

⁴² «Материалы по истории туркмен и Туркмении». М.-Л. 1939, стр. 167.

⁴³ ПСРЛ. Т. II, стб. 71.

⁴⁴ Там же, стб. 151, 152.